

КОНКУРЕНЦИЯ – «СЛОВО ВЕКА»

Конкуренция является важным фактором не только в современной экономической и общественной жизни, но и в развитии языка, в выборе и утверждении языковых средств и форм, отвечающих духу времени. В конечном счете конкуренция определяет и выбор самого языка общения в ситуации активных языковых контактов. Рейтинговая культура выстраивает определенную систему предпочтений, отражающих общественный вкус. Каждая новая социальная ситуация порождает новые языковые образы, создает поле напряжения между существующими и заимствованными языковыми средствами, что и требует фиксации и теоретической оценки.

В книге представлены результаты последних исследований по проблемам конкуренции языков в ситуациях языковых контактов, взаимодействия естественного языка и языка науки, соперничества собственной и заимствованной лексики, исторической конкуренции языковых форм, стратегий коммуникации и др. В ней отмечены новые явления в языке и дискурсивных практиках и представлено их теоретическое осмысление в плане соперничества и взаимодействия.

В целом сборник продолжает серию выпусков, посвященных актуальным проблемам языка и коммуникации, обсуждавшихся на конференциях Института лингвистики РГГУ.

* * *

В первом значении слово *конкуренция* – «соперничество на каком-то поприще, борьба за достижение лучших результатов» [БТС 2014]*. С одной стороны, конкуренция – это процесс, не одномоментный конфликт, но продолжительное сосуществование двух тенденций или явлений, направленных к общей цели; именно общие задачи определяют целесообразность итогового выбора,

© Федорова Л.Л., 2017

* [БТС 2014] – Большой толковый словарь современного русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт; первое издание 1998 г.; используется авторская редакция 2014 г., размещенная на сайте [грамота.ру](http://gramota.ru).

победу в конкуренции. С другой стороны – это борьба между конкурентами, состязательность, соревнование двух носителей этих тенденций, и побеждает тот, чья позиция сильнее по разным показателям: не только по целесообразности, но и по представительности, популярности, престижности. Конкурируют обычно старое и новое, традиция и мода, свое и чужое, норма и узус, языковой вкус и эпатаж.

Может показаться, что конкуренция характерна именно для современной жизни языка, но это не вполне верно. Конкуренция всегда связана с изменением, а язык изменяется постоянно; и чем более он развит, тем менее интенсивно он изменяется, в соответствии с известным парадоксом Е.Д. Поливанова. Это особенно справедливо для литературных языков, в которых традиция и норма оказывают сопротивление нововведениям. Однако каждое новое поколение привносит что-то свое в общий языковой опыт. Тем не менее языковой вкус времени, принимающий одно и отвергающий другое, вырабатывается под воздействием разных факторов, в том числе лежащих за пределами законов собственно языкового развития. Одним из таких факторов в современной жизни является использование новых форм коммуникации, новых технологий, ускоряющих темпы общения. Однако многие сейчас высказывают обеспокоенность тем, что увлечение молодежи техническими новшествами ухудшает способности высказывать собственные мысли, приводит к обеднению языка и утрате языковой интуиции.

Само слово *конкуренция* вошло в язык и укрепилось в нем в ходе соперничества с синонимами (*соревнование, состязание, соперничество, конкурс*) в семантическом поле СОРЕВНОВАНИЕ. Слово имеет «благородное» классическое происхождение, восходя к латинскому *concurrere* ('сбегаться, сталкиваться'). Как у заимствованного термина, у него сейчас очень сильные позиции. Статистика по НКРЯ показывает появление его в текстах начиная с 1840-х гг., довольно умеренное использование в течение почти ста лет, с небольшими кратковременными всплесками. Подъем начинается с 1984 г., и с конца века наблюдается его резкий взлет.

Первые вхождения отмечены у литературного критика и мемуариста П.В. Анненкова в контексте впечатлений о парижской жизни; само понятие неоднозначно, автор отмечает как позитивные, так и негативные стороны конкуренции:

*Парижская мода, принужденная конкуренцией к беспре-
станному творчеству и, как сказочная Баба-яга, никогда не за-
сытающаяся, вполне отыскала это предание и наполнила магазины
брелетами, чашами, ларцами... [П.В. Анненков. Парижские пись-
ма (1846–1847)].*

*Ничто так не вредит увеличению произведений, как свобода
без братства и равенства. Свобода одна – это конкуренция, а кон-
куренция производит только развалины. В слепом враждовании все
народные силы при конкуренции сталкиваются и уничтожаются
одна другой. [П.В. Анненков. Записки о французской революции
1848 года (1848)].*

В основном подкорпусе отмечено около 5 тыс. вхождений, зато в газетном (XXI век) – около 20 тыс. Поистине *конкуренция* – это одно из «слов века», если применить рейтинговую оценку, подразумевающую резкий взлет популярности.

Его основной синоним и соперник – *соревнование*: засвидетельствованное по НКРЯ уже в 1800 г., оно было наиболее употребительным в период 1949–1977 гг., сдало позиции в 80-е, но сейчас – на взлете активности, подняв свой рейтинг в 2011 г. и продолжая успешно конкурировать со своим престижным синонимом: в основном подкорпусе более 6 тыс. вхождений, в газетном более 21 тыс. Основной контекст сейчас – спорт, соревнования по разным видам и разного масштаба. До конца 70-х главенствует контекст идеологически-производственный: *социалистическое соревнование*, хотя силен и спортивный.

Для *конкуренции* основной контекст – рынок, экономика, управление. Основное определение – *жесткая, а также острая, сильная, высокая, здоровая, свободная*. Второе значение слова *конкуренция* – «борьба, соперничество между частными производителями за более выгодные условия производства и сбыта товаров при товарном производстве. *К. в торговле. Обострение конкуренции. Не выдержать конкуренции*» [БТС 2014]. Именно рыночные отношения составляют основное современное содержание этого слова. Несмотря на терминологический характер, оно содержит в себе экспрессию напряжения, накала и даже вражды.

Гораздо более мирная аура у слова *соревнование*; контексты производственные и спортивные могут подразумевать энергию, азарт, но не конфликтность.

Идеологическое содержание процесса соперничества основных синонимов вполне прозрачно.

Среди других представителей данного семантического поля – *состязание, соперничество, конкурс*. *Состязание* имеет преимущественно спортивные употребления. *Соперничество* – конечное звено деривационной цепи: *соперничать* – *соперник* (< *pertī, ср. *переть*). Оно особенно активно в середине XIX в., в любовных сценариях, откуда сохраняет свои коннотации. *Счастливейший соперник* и *лидер* в соревнованиях – характерные образы победителя в разных ситуациях конкуренции. Заметим, что в ситуации конкуренции нет однокоренной номинации для победителя, есть конкурент как участник процесса.

Все рекорды в данном семантическом поле бьет *конкурс*, близкий родственник *конкуренции*, – более 11 тыс. вхождений в основном корпусе (и около 48 тыс. в газетном подкорпусе). Конкурсы в текстах отмечены самые разнообразные: международные, творческие, музыкальные, экономические, спортивные, телевизионные... Для *конкурса* также наблюдается рост популярности с 1980-х гг. В отличие от экспрессивности *конкуренции*, характеризующейся яркими оценочными определениями, *конкурс* гораздо более нейтрален, он определяется тематикой и масштабами, а в содержании понятия присутствует компонент игры, развлечения, что придает слову более позитивную окраску.

Таким образом, основные синонимы *конкуренции* – *соревнование, конкурс* – уступают ему по экспрессивности, энергетическому заряду, хотя по употребимости превосходят его. При этом у них различный коннотативный фон: нейтральный для *конкурса*, спортивный для *соревнования*, рыночно-коммерческий для *конкуренции*. В наше время конкурсы имеют массовый характер; но за игрой всегда стоит реальность, а ее определяют условия жесткой конкуренции.

* * *

Сборник содержит три части: «Конкуренция языков и языковых стратегий», «Конкуренция в грамматике и лексике», «Концептуализация конкуренции в языке и тексте». Первая часть посвящена социально-историческому аспекту языковой конкуренции в ситуациях языковых контактов и конфликтов, взаимодействию языковых стилей и подсистем, историческому

изменению форм обращения, конкуренции актуальных номинаций при выборе «слов года» и др.

В социолингвистическом аспекте конкуренция проявляется прежде всего в соперничестве языков в условиях многоязычия. Глубокую историческую перспективу процесса раскрывает Н.Б. Мечковская, характеризуя различные формы двуязычия, культурно-религиозного и национального, в языковых ситуациях разных исторических эпох. Анализ языковых ситуаций в бывших национальных республиках показывает соперничество национальных языков с русским на постсоветском пространстве; оно дает разные результаты в Прибалтике и в Белоруссии. В целом автор отмечает затухание процессов дивергенции, которые приводили ранее к созданию и развитию из диалектов национальных языков; им на смену приходит период конвергенции близкородственных языков, пример этому – ситуация с белорусским. Как будто историческое развитие пошло вспять, замечает автор. Однако есть примеры и дивергенции – например, в бывшей Югославии. Соперничество языков может приводить к языковым конфликтам, языковая политика не всегда помогает их избежать.

Соперничество языков в настоящее время может проявляться и на уровне заимствований. Так, японский язык, исторически включивший большой пласт китайской лексики, сейчас испытывает сильное влияние английского. Зачем японцам английский? Этот вопрос ставит В.М. Алпатов, анализируя ситуации заимствований, при которых более престижная американская номинация вытесняет исконную. Эти процессы могут быть связаны, в частности, с отсутствием в традиционной лексике подходящих наименований для изменившихся жизненных ролей и ситуаций; например, обращение *yui* (*you*) к бой-френду возникает из-за невозможности использовать традиционную иерархическую форму, которую японка употребляет в обращении к мужу.

Особая сфера взаимодействия языков – это языки науки, которые создаются на базе естественного языка и включают особые профессионально ориентированные подъязыки. Г.Е. Крейдлин и Г.Б. Шабат показали существование двух тенденций в языке математики, идущих от Декарта и от Паскаля, их соперничество и взаимодействие с естественным языком на протяжении истории.

В статье Е.Г. Борисовой рассматриваются вопросы выбора имплицитных или эксплицитных стратегий в коммуникативном взаимодействии. Автор строит интерактивную модель взаимодействия, основанного на конкуренции форм с учетом постулатов Грайса.

Статья В.В. Высоцкой посвящена историческому изменению форм обращений, отраженному в русской литературе. В.В. Высоцкая отмечает ушедшие формы и модели (*ангельчик мой, батюшка-братец, достолюбезный*), показывает соперничество разных моделей обращения в переходные периоды, отмечает формы, выходящие из употребления прежде всего в функции обращения (*кузен, кузина, тетюшка, дядюшка, племянник, племянница, зять, невестка*).

Еще один сюжет о конкуренции – стратегии выбора «слова года» в Японии. А.В. Дегтярева показывает конкуренцию среди слов-претендентов, использование в них языковой игры, артистизма, а также различные механизмы отбора претендентов, направленные на поддержание национального самосознания и чувства оптимизма. Фактически победителем становится не само слово, а тот образ, который за ним стоит: это может быть победа сборной, о которой напоминает имя команды, или нашумевшая книга о чести нации, апеллирующая к самурайскому духу. Стратегии выбора заключаются, в частности, в отсеивании негативно окрашенных образов.

Во второй части основное внимание сосредоточено на внутренней жизни языка, на соперничестве грамматических форм, синтаксических конструкций, на сдвигах значений и соперничестве номинаций.

Здесь представлены несколько сюжетов.

Б.Ю. Норман анализирует языковые механизмы связности текста (местоименную анафору), взаимодействие синтаксических, семантических и стилистических критериев их оценки. Синтаксическая омонимия, возникающая в анафорических конструкциях, является в основном проблемой слушающего, восстанавливающего смысл. Конкуренция смысловой установки и линейности восприятия может обуславливаться степенью автоматизма или осознанности речевой деятельности, но в конечном итоге, считает автор, она отражает глобальную антиномию формы и содержания в языке. Но и в семантике самих омонимических конструкций, и в их контексте присутствуют факторы, способствующие разрешению омонимии.

Н.Т. Валеева исследует конкурирующие формы мужского и женского согласования при словах общего рода, по-разному описываемые в грамматиках. Она показывает различие согласовательных стратегий в употреблении слов типа *умница*, *сирота* и *обжора*, *злока*, ставит вопрос о причинах подобного различия и показывает процессы унификации.

Историческое преобразование диминутивных лексем в нейтральные является сюжетом статьи И.В. Фуфаевой. Утрачивая экспрессивную семантику, диминутивы превращаются в нейтральные слова (*зяблик*, *ласточка*, *бабочка* и проч.); эти процессы происходят постоянно и затрагивают определенные сферы лексики. В настоящее время процессы активной конкуренции наблюдаются в парах *ель* – *елка*, *еж* – *ежик*, *дед* – *дедушка*, *картофель* – *картошка* и проч.

Процессы роста популярности отдельных слов, вытесняющих свои синонимы, всегда в центре внимания лингвистов. И.В. Высоцкая изучает в этом отношении развитие значения глагола *стартовать*: от узкоспортивного употребления к переносным значениям в широком медийном дискурсе, и особенно в сочетании *стартовал проект*. Новые употребления уже становятся нормой, отражающей процессы коммерциализации, конкуренции в разных сферах жизни.

Тема соперничающих наименований на материале названий комнатных цветов рассматривается в статье Е. Протасовой. За каждым именем стоит определенный образ: цветок прабабушек *бальзамин* как неперенный атрибут мещанского уюта, или юмористичный и простоватый *ванька-мокрый*, или же *Busy Lizzie* – «прилежная Лиза»; совершенно разные коннотации связываются с одним и тем же растением в разные времена и в разных культурах и языках.

Соперничество значений внутри полисемичного слова может приводить к перестройке его семантической структуры. Этот сюжет представлен в исследовании Л.Л. Федоровой и Э. Бялек, посвященном семантике слова *честь*. В историческом развитии не только меняются местами значения «внутреннее» («достоинство») и «внешнее» («почет»), но и перегруппируются или выходят из употребления некоторые значения; в результате выделяются две лексемы *честь-1* и *честь-2*. Как показывают результаты анкетного опроса, само понятие «честь» не является анахронизмом; его содержание в целом соответствует определению, данному В. Далем. Современные словари не

отмечают, однако, значения «фиктивного благородства», сохраняющегося в современном сочетании «честь мундира».

Третья часть книги раскрывает понятие конкуренции в разных текстах: в дискурсе музыкального конкурса и анекдота, в ткани художественного текста и в соотношении узуального и индивидуального а авторской идиоматике.

На примере современных художественных текстов А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский рассматривают конкуренцию авторских и традиционных форм идиоматики. Современные писатели нередко используют традиционную фразеологию в стилистических целях, для передачи исторического контекста, но могут создавать собственные идиоматичные формулы, например, на основе контаминации существующих конструкций или же лексических модификаций, развивающих известный образ. Так, у Окуджавы появляется формула: *по одежке встречают, а по уму выпроваживают*, придающая новое неожиданное звучание известной поговорке.

Конкуренция предполагает свои условия и правила борьбы. Как пример недобросовестной конкуренции, основанной на манипуляции, О.Е. Фролова рассматривает сюжет рассказа В. Шукшина «Срезал», в котором герой стремится победить не настроенного на соперничество собеседника, навязывая ему собственный сценарий. Цель манипуляции здесь – унижить собеседника-интеллекта, выставить его в невыгодном свете перед односельчанами в разыгранном словесном поединке. Фролова анализирует коммуникативную ситуацию диалога и роли ее участников.

Конкуренция как стихия музыкального конкурса составляет предмет статьи М.Е. Пухляко и О.В. Сахаровой. Авторы исследуют языковое содержание конкурсного дискурса и формы его выражения в профессиональном разговорном языке музыкантов. Эмоциональное содержание, составляющее суть искусства и творчества, проявляется и в жестком сценарии конкурсного состязания.

Завершает книгу статья А.Д. и Е.Я. Шмелевых, посвященная анекдотам о соревнованиях. В юмористическом дискурсе анекдотов, откликающихся на актуальные события общественной жизни, авторы показывают различные осмысления понятий «конкурс», «конкуренция», «приз»:

Журнал объявил конкурс на самый лучший политический анекдот. Победителя ждет приз – бесплатная годовая подписка о невъезде за границу...

Часть 1

КОНКУРЕНЦИЯ ЯЗЫКОВ
И ЯЗЫКОВЫХ СТРАТЕГИЙ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ: ЧТО УСИЛИВАЕТ КОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДВУЯЗЫЧИЯ?

1. Свидетельства доисторической рефлексии людей над соперничеством языков или их судьбами неизвестны. Отношение дописьменных людей к своему языку было утилитарным, недезинтересным (не содержащим желания что-либо изменить в отношении языка), неидеологическим и несимволическим. Метаязыковые мотивы в мифологии и фольклоре вообще немногочисленны, но для истории миропонимания их значимость чрезвычайна. Важнейшие из них известны в широких ареалах древнего мира. Это такие мотивы: 1) слово создает мир (Веды; Ветхий и Новый Завет); 2) во многих традициях понимание имени как глубинной сущности вещи [Топоров 1991]; 3) древнеиндоевропейское противопоставление: язык богов *vs* язык людей [Гамкрелидзе, Иванов 1984]; 4) оппозиция: язык людей *vs* язык зверей и птиц (Коран (XXVII, 16), скандинавская мифология, русские сказки); 5) два противоречащих друг другу объяснения разноязычия людей – Божьей карой и рассеянием колен прежде единого племени (Ветхий Завет). Однако в мифологиях неизвестны мотивы, связанные с утратой языка или усвоением языка другого племени, как нет и эмоционального отношения к языку. Нет следов того, что забывание своего языка и усвоение наречия чужого племени вызывали отрицательные чувства – тревогу, горечь, вражду к языку чужого племени, опасения за судьбу своего языка. Нет и отзвуков ликования по поводу экспансии своего наречия. В бесписьменном племени какие-то слова или речевые формулы могли считаться

магическими, многое табуировалось, но в целом язык не был ни предметом культа, ни символом племени.

В обоих Заветах Библии есть истории о том, как чужака опознают по выговору: на переправе через Иордан уцелевшим после битвы ефремлянам приказывали сказать *шибболет* ('поток воды') и тех, у кого получалось *сибболет* ('бремя'), тут же закалывали (Суд. 12: 5–6). В ночь ареста Иисуса люди узнают в апостоле Петре одного из спутников назарянина: *«точно и ты из них, ибо и речь твоя обличает тебя»* (Матф. 26: 74). Аналогичные ситуации известны в истории Средних веков, в Гражданскую войну в России, на рубеже XX–XXI вв. Слово *шибболет* вошло в европейские языки в значении 'опознавательный пароль, содержащий характерное слово или звук, по произношению которого можно опознать иностранца (чужеземца, неприятеля), поскольку чужак не может правильно произнести контрольное слово'. Однако при всей драматической связи между языком и судьбой человека легко видеть, что «шибболет» – это только этноязыковая примета чужака, но не начало лингвистической идеологии. В истории о *шибболете* еще нет оценочного, эмоционального или дезигративного отношения к языку; 42 тысячи зарезанных на переправе через Иордан были жертвами реальной войны, но не войны из-за языков, азбук или слов.

Победы и поражения племен не переносились на языки. Не закрепленные в письменной традиции, языки легко забывались, и это никого и не беспокоило, и не радовало. Перевес одного из контактирующих языков зависел не от чьей-либо воли, плана, политики, сознательной поддержки одного языка и подавления другого. Экспансия языка складывалась как результирующая многих и неуправляемых сил. Военная победа племени не всегда означала победу языка этого племени. Победители нередко усваивали язык побежденных. Например, тюркоязычные волжские булгары, которые в VII в. мигрировали на Балканский полуостров, усвоили южнославянское наречие; германское племя франков на рубеже V–VI вв. двинулось на запад от Рейна, завоевало Галлию, образовало могущественное Франкское государство, но при этом франки переняли местный галло-романский язык. Нередко возникал новый гибридный язык.

Несмотря на интенсивные языковые контакты и бурную и (судя по данным XIX–XX вв. о языках в архаических социумах)

недолгую историю большинства идиомов дописьменной истории, нет следов того, что люди замечали речевые особенности у территориально отдаленных колен своего племени, или что замечали недостаточную понятность речи пленников. Эти различия, скорее всего, замечались, но не беспокоили бесписьменных людей. Однако с появлением письменности разноязычие начинает осознаваться если не как проблема, то как неудобство. Появляются идеи «рукотворного» общего языка. Так, в 315 г. до н. э. древнегреческий философ Алексарх основал город-государство Уранópolis (Οὐρανópolis ‘город неба’) и, стремясь преодолеть разноязычие людей, поселившихся в городе, создал проект общепонятного языка, похожего на обычный этнический язык.

2. Культурно-религиозные миры, сформированные религиями «своего» Писания на надэтническом языке. *Lingua sacra* (‘священный язык’ Писания) vs *linguae vernaculae* (‘местные’), народные, «простые» языки. Конкуренция языков и первые языковые конфликты появляются в Средние века в культурах, сформированных религиями Писания. С появлением теистических религий (иудаизм) и особенно с распространением мировых теистических религий Писания (христианство, ислам) вокруг новых религий, их вероучительных книг и апостолов, которые обращались не к одному «своему» народу, но к людям разных племен, постепенно складываются надэтнические культурно-религиозные миры, выходящие за пределы этносов и государств. Первоначальный язык культа и церковной культуры был языком надэтническим (древнегреческий язык «Септуагинты» и Нового Завета, латынь, старославянский, вэньянь канона сочинений Конфуция, классический арабский VII в.). Основная трудность в использовании культового языка состояла в том, что ко времени канонизации Писания язык культа ни для одного народа уже не был родным. Его нельзя было усвоить от матери, просто «по жизни»; для каждого отдельного народа язык *своей* религии был более или менее чужим (если не генеалогически, то хронологически, как древнегреческий в Византии, старославянский – для македонцев и болгар, латынь для романских народов).

В условиях, когда язык вероучения не вполне понятен, было бы естественно создавать переводы. Между тем на протяжении веков церковь не решалась переводить Писание на народные язы-

ки; совсем не мыслилась храмовая служба на «простом» языке; в переводах видели источник заблуждений. Психолого-семиотические истоки пристрастности к культовому языку состояли в «средневековом фетишизме» и «символизме» [Виноградов [1934] 1982: 40–42]) и «крайнем буквализме» [Успенский 1987: 313–316] по отношению к церковным словам и формулам, что в терминах семиотики Б.А. Успенский трактует как «неконвенциональное понимание знака» [1987: 20], когда в знаке видят не условную (конвенциональную) метку вещи, но важную часть самой вещи и приписывают знаку свойства вещи: «В силу неконвенциональности понимания знака сакральность содержания [вероучительных книг. – Н. М.] переносится на средства выражения, и самый язык воспринимается как сакральный» [Успенский 1987: 20].

Феномен неконвенционального восприятия знака своими корнями уходит в пралогическое мышление и в некоторой мере наблюдается до сих пор (в религиозном сознании, в детской речи, при порождении и восприятии поэтических текстов; при некоторых видах шизофазии).

В Средние века неконвенциональная трактовка знака из бытовой магии и суеверий (*не к ночи будь помянут; беды не накаркай* и т. п.) распространилась на отношение к церковным книгам и их языку, в особенности к некоторым ключевым словам и словесным формулам. Вот характерный эпизод из истории реформы патриарха Никона (сер. XVII в.) – исправления церковных книг по авторитетным греческим образцам (приводимый Б.А. Успенским [1978: 314]). До реформы в «Символе веры» было написано: *Верую [...] в Бога [...] рожденна, а не сотворенна*. После исправления (ок. 1660 г.) стало: *Верую [...] в Бога [...] рожденна не сотворенна*, т. е. опущен противительный союз **а** [буква **азъ**]. Правка вызвала острое неприятие противников реформ. В устранении союза **а** они видели ересь в понимании природы Христа – как если бы он был *сотворен*. Старообрядцы не только грозили никонианам анафемой и адом: «*И за единой азъ, что ныне истребили из Символа, последующим вам быти всем во аде со Ариемь еретиком*» [Субботин 1885, т. VII: 274], но и сами были готовы к самосожжению: «*Надлежит нам горети за единый азъ*». И это не оставалось только призывом. Историки русской церкви пишут о 20 тысячах «гарей» (самосожжений) тех, кто не мог смириться с Никоновой «книжной справой».

Неконвенциональное отношение к знаку известно и в западном христианстве. В одном латинском сочинении XI–XII вв. употребление слова *Deus* ‘Бог’ во мн. ч. расценивалось как кощунственная уступка многобожию, а грамматика – как изобретение дьявола: *«Не учит ли она разве склонять слово Бог во множественном числе?»*. Переводы Писания встречались враждебно. Оксфордский профессор и проповедник Джон Уиклиф (Wycliffe, 1320–1384), по инициативе и при участии которого был выполнен первый полный английский перевод Библии (1382), был осужден папой и собором английских епископов. Репрессии против Уиклифа продолжались и после его смерти: в 1415 г. Констанцкий вселенский собор признал Уиклифа еретиком, его останки были сожжены. Полтора века спустя английский последователь Лютера священник Уильям Тиндаль (Tyndale, 1477–1536) издал Новый Завет и Пятикнижие Моисеево на английском языке. По приговору католического суда Тиндаль был удушен и сожжен.

Почувствовать психологическую природу «неконвенционального отношения» к языку и книгам церкви в какой-то мере позволяют два документальных свидетельства XVI и XVII вв.: 1) Максим Грек, с почетом при Василии III приглашенный в Москву для переводов и исправления церковных книг (1518), по обвинению в неверной правке был признан еретиком и несколько десятилетий провел в монастырском заточении. На церковном суде над Максимом его помощник Михаил Медоварцев, который выскабливал прежде написанные строки, чтобы внести правку, признавался: *«Загладил две строки, а вперед гладити посумнелся есми [...] не могу заглаживатьти, дрожь мя великая поимала и ужас на меня напал»* [Судные списки [1549] 1971: 106]; 2) пассаж из сочинений украинского монаха Иоанна Вышенского (ум. ок. 1630 г.), истово верившего, что церковнославянский язык *лучше спасает*, нежели латынь: *«Бог всемогущий, во троици славимый, лутче крестит в словенском языке, а нежели в латынском. [...] Вѣдай же о том, Скарго, хто спастися хочет и освятитися прагнет, и до простоты и правды покорнаго языка словенскаго не доступит, ани спасения, ани освящения не получит»* [Вышенский [1570-е гг.] 1955: 194–195].

В ситуациях культурно-религиозного двуязычия складывается исторически первая лингвистическая идеология: стремление сохранить надэтнический культовый язык в его по возможности

первозданном виде; стремление удержать надэтнический язык в церкви и в других ответственных и престижных сферах жизни; консервативно-реставрационная направленность филологической работы.

Средневековая культура поразительно словоцентрична. Вокруг слов, переводов, редакторских правок кипели страсти и лилась кровь. Н.И. Толстой писал, что «исправление книжное» (при Никоне) было «возведено на Руси в дело первейшего государственного значения» и стало вершиной вовлеченности почти всех слоев общества в проблемы аутентичности слова: «едва ли еще когда-нибудь на Руси филологические вопросы осознавались столь значительными и ставились столь остро» [Толстой [1963] 1988: 146].

3. Национальное (этническое) двуязычие более динамично и конфликтно (в сравнении с оппозицией культового и народного языка). В Новое время складывается исторически второй тип лингвистической идеологии: не религиозно-языковая, но национально-языковая. Язык стал осознаваться как духовная скрепа народа, предмет национальной гордости, символ национального единства, а в случае опасности – объект защиты, в которой народ объединяется и мужает. Романтизм внес свой вклад в лингвистическую идеологию индустриальной эпохи: в языке стали видеть источник национальной самобытности, воплощение народной души и духа. С начала XIX в. вызревает европейский идеал национально-языковой организации общества: каждый народ живет в своем национальном государстве и говорит на своем национальном языке, но триада «один народ – один язык – одно государство» была слишком утопична, чтобы серьезно приблизиться к реальности. Что касается постколониального мира, то здесь европейский национализм не нашел даже чисто идеологического спроса.

Национально-языковые проблемы конфликтны в большей мере, чем языковые вопросы в ситуациях культурно-религиозного двуязычия. В условиях религиозного двуязычия сосуществующие языки распределены по коммуникативным сферам *дополнительно* (каждый язык – в своей функциональной сфере), и такое распределение сохраняется веками, между тем при национальном двуязычии распределение конкурентное: два языка стремятся выполнять одни и те же функции, и подобная конкуренция языков

неустранима так же, как и людское соперничество, соревнование, конфликт. Если религиозно-языковая идеология адресована интеллектуальной элите (не аристократии и не политической элите), то идеология национального двуязычия адресована всем жителям ареала и направлена на их сплочение в сообщество граждан (полинациональное или мононациональное). В условиях религиозного двуязычия максимальная психологическая трудность для индивида состоит в его «профнепригодности»: не так перевел, не так исправил (хотя эти ошибки и были чреватые анафемой, заточением, сожжением). При национальном двуязычии самая острая для отдельного индивида ситуация – это оказаться «без языка (невозможно найти работу, снять жилье, доказать полиции свою невиновность, объяснить врачу, что и как болит и т. п.). Эти реальные беды актуализируют в сознании человека психологические состояния архетипической глубины и мощи: страх отбиться от «своих» и боязнь «чужих». В ситуации «без языка» человек ощущает свою «природную», как бы физическую, т. е. неустранимую беспомощность.

Такие экстремальные испытания «на выживание» возникают, как правило, в случаях, когда индивид оказывается за границами своего социума. Но спустя некоторое время выясняется, что «У страха глаза велики» и что «Глаза страшатся, а руки делают»: языковые барьеры преодолимы. Известно, что на пограничье неродственных или неблизко родственных языков (венгерский и тот или иной славянский; литовский и белорусский или польский) до Второй мировой войны многие крестьяне знали оба или даже три языка своей местности, и это без школьных уроков неродного языка и практически без радио. Ср. также более ранний факт: завершив разгром Наполеона в границах России, русская армия двинулась на Запад, в седле и пешком, медленно, с боями и постоями; был «взят Париж» (Пушкин). Один из итогов «заграничного похода русской армии 1813–1814 гг.» (как это называется у российских историков) такой: на Западе осталось более 40 тысяч нижних чинов армии. Александр I хотел вернуть их в Россию принудительно, но не получилось.

Существование многонациональных и многоязычных государств всегда вынуждено и архетипически конфликтно (пусть и в разной мере). В объяснении нуждается не взаимная настрожен-

ность народов, а то, как им удастся десятилетиями жить рядом и не ссориться. В каждой благополучной ситуации имеется соглашение о том, как разделено экономическое, политическое, культурно-образовательное пространство; есть опыт, как, поощряя конкуренцию, предупреждать конфликты. И чем более цивилизованы народы, тем более юридичны и предусмотрительны такие договоренности.

4. Типологически значимые черты языковых ситуаций, повышающие вероятность национально-языковых конфликтов. Своеобразие языковых ситуаций создает, во-первых, постоянный фон, на котором развиваются взаимоотношения народов, и, во-вторых, долговременные предпосылки крупных векторов развития.

4.1. *Пассионарность народа (или соперничающих народов)* всегда конфликтна. Пассионарии сопротивляются ассимиляции. О силе сопротивления можно судить по тому, сколько людей называют родным свой материнский язык (чей лингвоним созвучен этнониму), а не общегосударственный или иной мажоритарный. По данным последней советской переписи (1989), в РСФСР по сопротивлению ассимиляции на 1-м месте (98%) оказался небольшой народ (меньше 1 млн человек), с недолгой письменной традицией (с 1917 г.), – чеченцы. Долгое время чеченцы не имели даже своей «отдельной» автономии, деля статус и территорию автономной республики с ингушами – в Чечено-Ингушской АССР (в 1936–1992 гг. в составе РСФСР/РФ; в 1991 г. переименована в Чечено-Ингушскую Республику); только в 1992 г. дуальная автономия была преобразована в Ингушскую Республику и Чеченскую Республику. По той же переписи 1989 г. 2-е место по верности родному языку среди автономий занимали буряты, но с более низким процентом (86%), 3-е место – татары (83%). Что касается союзных республик, то хотя их титульные языки в целом чаще, чем языки советских автономий, назывались родными, однако у украинцев и белорусов процент людей, которые в 1989 г. назвали титульный язык своей республики родным, был ниже, чем у татар и бурят, – соответственно 81% и 71%.

В 1978 г. пассионарная грузинская интеллигенция, сотни грузинских студентов вышли на улицы Тбилиси, протестуя против решения Москвы в новой грузинской конституции

упразднить государственный статус грузинского языка (записанный в конституции Грузинской ССР 1937 г.). Эдуард Шеварднадзе (в то время первый секретарь ЦК компартии Грузии) не только предотвратил репрессии, но и поддержал требования демонстрантов. Причем это был чисто идеологический и символический акт. Реально грузинскому языку, как и грузинскому большинству в населении республики, ассимиляция не угрожала: в Грузии грузины составляли 70% населения, армяне 8%, русские – 6%. Как пишет С. Маркедонов, историк национально-языковых проблем Кавказа, «фактически это был первый случай солидарности партийного чиновника высшего ранга с общественностью, осуществившийся под националистическим знаменем. В итоге союзный центр не только признал конституционное право считать национальный язык одной из республик государственным (чего, например, не было сделано даже в Прибалтике), но и отказался от корректировок конституций Армянской ССР и Азербайджанской ССР, а также в Абхазии» [Маркедонов 2011].

4.2. Чем ближе к равновесию демографическая мощьность языков-конкурентов, тем конфликтность ситуации выше. Эта зависимость хорошо видна в странах Балтии. Как известно, языковой вопрос здесь острее всего стоит в Латвии, существенно мягче – в Эстонии, и не является проблемой в Литве. И именно в такой прогрессии возрастает удельный вес граждан титульной нации во всем населении своей страны (см. таблицу 1).

Таблица 1

Страны Балтии	Процент граждан титульной нации по годам переписей			
	1959	1979	1989	2011/2012
Латвия	62	56,8	53	62
Эстония	74,6	68,2	64	69
Литва	79	80	78,7	84

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru